

УДК 821.161.1-1

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПРЕЛОМЛЕНИЯ МОТИВА ЛЮБВИ В ТВОРЧЕСТВЕ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ

О. О. Надыкто

Институт международного права и экономики им. А. С. Грибоедова
кафедра истории журналистики и литературы

Статья посвящена экзистенциальному преломлению мотива любви в творчестве М. И. Цветаевой. На примере отдельных стихов и лирических циклов поэта выявлены образные комплексы отражающие экзистенциальные установки в произведениях, транслирующих мотив любви.

Ключевые слова: *экзистенциализм, мотив любви, трансцендентное, обладание, бытие, коммуникация, пограничная ситуация, метаситуация смерти*

Любовь как эрос в экзистенциальном сознании сама по себе не присутствует, так как сущему чужды проявления страстей, и оно не может быть ими объяснено. Но любовь в экзистенциальной философии четко разграничивается на две составляющие: любовь онтологическую, вещественную, физиологическую, называемую *обладанием* (а обладание сковывает наше сознание, не дает выхода в трансцендентное, к чему стремится экзистенциальная картина мира), и любовь, позволяющую стереть границы телесного и прийти к пониманию своего существования через другое самобытие, прийти к слиянию, не обусловленному вещественными признаками объектов, называемую *коммуникацией* [2, с. 366]. Соответственно, любовь в экзистенциализме не что иное, как способ познания своего бытия-в-себе через коммуникацию с другим самобытием. Эротический же аспект любви – это обладание, которое является признаком онтологическим, ведущим к несвободе, порабощению бытом, миром вещей, закрывающим от индивидуума возможность выхода в трансцендентное.

Любовь среди мотивов творчества М. И. Цветаевой является одной из базовых категорий, которые «прочитываются» ею в экзистенциальном ключе. Так, любовь трактуется как делимый на две составляющие, обладания и бытия, феномен. Они обе играют немаловажную роль в философской и художественной картине мира Цветаевой. С одной стороны, направленность на любовь является одной из основных жизненных установок лирической героини, а с другой стороны, героиня, пытаясь сохранить свою самость, в конечном итоге, протестует против полного ее растворения в «другом» и находит истинную свободу в экзистенциальном одиночестве.

В произведениях М. И. Цветаевой транслирующих мотив любви, это явление постоянно распадается на экзистенциальную дихотомию иметь/быть. Где иметь значит обладать объектом любви, и в этом смысле мотив любви проявляется в своей эротической составляющей, напрямую связанной с миром вещественным.

В произведениях, транслирующих этот вариант мотива любви, мы часто встречаем образы, призванные указать на конечность, обреченность, временность, трагичность, и, в конце концов, бессмысленность страстной любви как таковой.

Воплощение подобных образов мы можем наблюдать на примере циклов «Федра», «Дон Жуан», «Комедьянт», «Приметы».

Образная составляющая данного аспекта любовной лирики Цветаевой многогранна, но, в основном, проявляется через образы *боли, болезни, крови*: «Ипполит! Ипполит! *Болит!* // <...> // Это – красною *раной* вскачь // Запаленная кобылица!» (Здесь и далее выделено мной – **О. Н.**) («Федра») [4, с. 43]. «Не любовь, а *лихорадка!* // Легкий бой лукав и лжив» («Комедьянт») [4, с. 17]. «Точно гору несла в подоле – // Всего тела *боль!* // Я любовь узнаю по *боли* // Всего тела вдоль» («Приметь») [4, с. 58].

Часто встречаются также коррелирующие с перечисленными выше образы *огня, воспламенения, жара, увядания*:

Опаляет... В *жару* ланиты...

Что за ужас жестокий скрыт

В этом имени Ипполита!

Воспалется ум мой пылкий...

(«Федра») [4, с. 43].

И также носящий негативную, отвращающую семантику образ горечи: «*Горечь! Горечь!* Вечный привкус // На губах твоих, о страсть! // *Горечь! Горечь!* Вечный искус – Окончательнее пасть» («Горечь! Горечь! Вечный привкус...») [5, с. 137]. Жестокие образы, встречаемые нами в стихотворном цикле «Федра», подчеркивают разрушительную сторону страсти, поглощающей свой предмет.

Мотив рока, также лежащий в основе стихотворения, усиливает трагичность исхода страсти и говорит нам о том, что не только героиня повинна в терзающих ее чувствах. Эта подчиняющая волю страсть сравнима с неостановимой природной стихией. Например, упоминание города Геркуланумы, уничтоженного извержением вулкана, описывает всю силу неотвратимой трагедии желания Федры, включая ее эротическую коннотацию.

На протяжении всего стихотворения мы видим переплетение образов мира природного, окружающего Федру (скалы, волны, пыли, песка) и мира физиологического (раненая кобылица, руки, зубы и губы Федры). Стихотворение поднимает вопрос о взаимосвязи мира духовного и мира телесного, рассматривая физические муки как некий импульс.

Детерминированная вещественностью и временностью любовь-обладание не дает возможности индивидууму расширить границы сознания и выйти из онтологического в трансцендентное, к чему, как мы можем судить из стихов, писем, и воспоминаний современников, Цветаева постоянно стремится.

Преодолеть замкнутость мира вещей, в связи с этим, даже в момент любви, видится возможным только в пограничной, экзистенциальной ситуации. Соответственно главным образом ситуация смерти, а также сопутствующие ей ситуации разлуки, «разминовения», так свойственные цветаевской любовной лирике становятся *метаситуцией* лирических произведений Цветаевой, транслирующих мотив любви в его эротической составляющей. Эрос неизбежно сталкивается с Танатосом и уступает ему: «Долго на заре туманной // Плакала метель. // Уложили Дон-Жуана // В снежную постель» («Дон Жуан») [4, с. 111]. «– Склоните колена! // – Что вам, // Аббат, до моих колен?! // Так кончилась – этим словом – // Последняя ночь Кармен» («Кармен») [5, с. 139].

С одной стороны, поэтесса жаждет физического проявления чувства, с другой стороны, она осознает всю тщету, безнадежность и брэнность этих попыток и намеренно ставит лирических героев в условия, при которых развитие этого чувства невозможно, в силу его ограниченности вещественным проявлением.

Любовь! Любовь! И в судорогах, и в гробе

Насторожусь – прельщусь – смущусь – рванусь.

О милая! Ни в гробовом сугробе,

Ни в облачном с тобою не прошусь.

(«Любовь! Любовь! И в судорогах, и в гробе...»)[5, с. 212]

Другая сторона мотива любви в творчестве Цветаевой – это любовь неовещественная, проявляющаяся как слияние сущностей, позволяющая постичь «бытие-в-себе» через другое самобытие. Цветаева, стремясь к выходу в трансцендентное, часто намеренно выводит объект любви из области созерцательного-чувственного восприятия. По воспоминаниям современников и самой Цветаевой, ей гораздо интереснее и проще было любить не человека реального, существующего здесь и сейчас, а образ, созданный ею. М. А. Волошин, обращаясь к М. И. Цветаевой, говорил, что, когда она любит кого-либо, ей всегда необходимо, «чтобы он ушел, чтобы о нем помечтать» [3, с. 181].

Мотив любви как экзистенциального бытия проявляется в стихах Цветаевой через образ заочности, запередельности, физическая составляющая становится мнимой, ирреальной: «В тебе удлиняясь, // Как эхо в гранитную грудь // В тебя ударяясь: *Не видь, и не слышь, и не будь* – // Не надо мне белым // По черному – мелом доски! // Почти *за пределом* // Души, *за пределом* тоски...» («Заочность»)[4, с. 47].

Ярчайшим примером такой экзистенциальной любви-коммуникации с другим самобытием в контексте жизненных реалий Марины Цветаевой служит ее длительная переписка с Б. Л. Пастернаком в 1920-е годы и обращенная к нему лирика. «Я бы не могла с тобой жить не из-за непонимания, а из-за понимания. Страдать от чужой правоты, которая одновременно и своя, страдать от правоты — этого унижения я бы не вынесла. <...> Встречаясь с тобой, я встречаюсь *с собой, всеми остриями повернутой против меня же*», – писала Цветаева Пастернаку [7].

В одной из своих книг биограф Марины Цветаевой В. А. Швейцер справедливо заметила, что отношения Цветаевой и Пастернаком «не укладываются в обычные мерки. Была ли то страсть или дружба, творческая близость или эпистолярный роман? Все вместе, неразрывно, питая и усиливая одно другое. В их отношениях каждый предстает в полном объеме своего человеческого облика и возможностей. Это удивительно, ибо в плане реальном: жизненных встреч, бытовых подробностей – связь Цветаевой с Пастернаком выглядит эфемерной, придуманной – полетом фантазии» [6, с. 311].

В стихах, обращенных к Б. Л. Пастернаку, или появившихся под влиянием их переписки, мотив любви, чаще всего, находит свое воплощение через образы *души, природы*: «(Час, когда не вижу рук) // *Души* начинают видеть» («Час, когда вверху цари...») [4, с. 271].

М. И. Цветаева также часто прибегает к мифологизации образа Б. Л. Пастернака в адресованных ему произведениях. Она ведет не только открытый диалог с объектом любви посредством своей лирики, но и выстраивает внутритекстуальный диалог используемых ею мифологем. Так, называя Пастернака Орфеем, она становится Эвридикой, Тезеем – Ариадной, Ахиллесом – Еленой. Поднимаясь над бытийственным уровнем в лирическом произведении, она и отношения с Пастернаком выносит на другой, метафизический, трансцендентный уровень, на «Олимп» собственного мироощущения: «Есть рифмы в мире сём: // Разъединишь – и дрогнет. // Гомер, ты был слепцом. // Ночь – на буграх надбровных. // Ночь – твой рапсодов плащ, // Ночь – на очах – завесой. // Разъединил ли б зрящ // Елену с Ахиллесом?» [4, с. 274].

«Она видит людей такими, какими ей хочется их видеть. Иногда действительно на время она превращает их в тех, какие представляются ее воображению. Но какая горечь остается, когда созданный мираж исчезает», – замечает в своих воспоминаниях о М. И. Цветаевой О. Е. Колбасина-Чернова [1, с. 296]. И действительно, попытка «развоплотить» сущее, обратить любовь в сторону другого экзистенциального бытия, часто не выдерживает столкновения с реальным, вещественным миром.

Правда, наиболее полно мотив любви у Цветаевой реализуется за пределами земного бытия – в бессмертии, в Абсолюте. Часто объектами ее любовной лирики становятся люди уже умершие или еще не жившие: «Осыпались листья над Вашей могилой, // И пахнет зимой. // Послушайте, мертвый, послушайте, милый: // Вы все-таки мой» («Осыпались листья над Вашей могилой...») [5, с. 102]. «К тебе, имеющему быть рожденным // Столетие спустя, как отдышу, – // Из самых недр – как на смерть осужденный, // Своей рукой пишу» («Тебе — через сто лет») [4, с. 172].

Причем, для экзистенциального восприятия Цветаевой смерть в данном случае не является разделительной чертой, границей, за которой уже невозможно соприкоснуться с человеком. Напротив, смерть, как одна из основных экзистенциальных констант, позволяет в полной мере ощутить свободу своей сущности через освобождение другого.

Таким образом, в любовной лирике Цветаевой через образы *боли, крови, огня, непла, и души, духа, бога, стихии* мы опосредованно приходим к рефреном повторяющемуся мотиву смерти или сна, как пограничному состоянию, позволяющему воплотить задуманное поэтом и выйти за пределы онтологического, в трансцендентное, что характерно для экзистенциального восприятия мира.

Список литературы

1. Воспоминания о Марине Цветаевой. М.: Сов. писатель, 1992. 592 с.
2. История философии. М.: Изд-во ПРИОР, 1997. 464 с.
3. Цветаева М. И. Сочинения: В 2 т. М.: Худож. лит., 1984. Т. 2. 502 с.
4. Цветаева М. И. Стихи и проза. М.: ЭКСМО, 2007. 574 с.
5. Цветаева М. И. Стихотворения и поэмы. М.: АСТ, 2008. 688 с.
6. Швейцер В. Марина Цветаева. М.: Молодая гвардия, 2009. 591 с.
7. Наследие Марины Цветаевой. Письма к Борису Пастернаку [Электронный ресурс]. URL: http://www.tsvetayeva.com/letters/let_b_pasternaku5.php (Дата обращения: 21.11.2013).

**EXISTENTIAL ASPECT OF INTERPRETATION OF THE MOTIVE OF LOVE
IN THE WORKS OF MARINA TSVETAeva**

O. O. Nadykto

The Institute of International Law and Economics named after A. S. Griboedov
The department of Journalism History and Literature

The article is devoted to the manifestation of the existential aspect of interpretation of the motive of love in the works of Marina Tsvetaeva. On the example of certain verses and lyrical cycles identified imagery complexes reflecting existential installation of works with the motive of love.

Key words: *existentialism, the motive of love, transcandante, possession, life, communication, the border situation, metasituation of death*

Об авторе:

НАДЫКТО Ольга Олеговна – аспирантка кафедры истории журналистики и литературы института международного права и экономики имени А. С. Грибоедова (111024, Москва, шоссе Энтузиастов, дом 21), e-mail: faily@list.ru